

Б. М. МИРКИН

Экологический гамлетизм

Ковер биосферы, некогда ярко расшитый, все больше начинает напоминать старую циновку, о которую долго вытирали ноги. Биосфера протерта на всех этажах — в озонном слое дыры, вместо пышных саванн и степей зияют убогие пустыни. И даже в нижнем, подземном этаже, где живут бактерии-хемотрофы, пустота на месте выкачанной нефти.

Похоже, начинают сбываться мрачные пророчества Ж.-Б. Ламарка, писавшего более двух веков назад о том, что предназначение человечества в самоуничтожении, чего оно достигнет, разрушив собственную среду обитания, и куда более древние апокалиптические предсказания Библии. У человечества формируется мышление, которое можно назвать «экологическим гамлетизмом». Большинству из альтернативы «To be or not to be» * нравится первый полюс, но все по-разному представляют себе способ, посредством которого можно обеспечить это самое «to be».

Исследователи в поисках ответа анализируют новейшие данные об изменении концентрации углекислого газа в атмосфере, о скорости ликвидации легких планеты — тропических лесов, об уменьшении испарения воды Мировым океаном (из-за появления на поверхности нефтяной пленки), о влиянии на климат пожаров в Кувейте (новый вариант фашизма — экологический)¹. Изучают спорово-пыльцевые спектры торфяников и сопоставляют карты разных лет для выяснения того, что было на нашей планете в последние тысячи лет. И все больший интерес пробуждают старые и новые богословские трактаты, где говорится об отношениях человека и природы. <...

* «Быть или не быть?» — монолог Гамлета в одноименной пьесе Шекспира.

УТОПИЯ В ЭКОЛОГИИ

В выборе варианта реализации «to be» в последние годы намечился реализм: признана необходимость следовать четырем законам экологии, аллегорически сформулированным в 1971 году Б. Коммонером². Они звучат следующим образом: «Все связано со всем; все должно куда-то деваться; ничего не дается даром; природа знает лучше». Все варианты «to be», которые противоречат этим законам, — утопии. Хочется возразить Ю. А. Шрейдеру, который утверждает, будто утопия — это лишь идеопоклонство, которое не требует «пытливых умов ученых». Утопистов в экологии — В. И. Вернадского, А. В. Чаянова³, А. Д. Сахарова, Н. И. Вавилова — никак нельзя упрекнуть в недостатке пытливости ума.

Утопизм Вернадского проявился в вере в возможность преобразования биосферы в ноосферу с помощью человеческого разума и изменение положения человека в трофической системе, переводе людей на автотрофное питание, синтезируемую пищу. Не говоря уже о технологических сложностях производства синтетического белка и тяжелых последствиях такой диеты для здоровья человека. Утопичность ноосферы Вернадского заключена в неминуемом возрастании вложений энергии. А между тем при нынешнем гетеротрофном питании основным источником производства пищи служит экологически чистая и неисчерпаемая солнечная энергия. Ноосфера станет гарантией выживания лишь в том случае, если будет организована в полном соответствии с четырьмя процитированными мною законами экологии, законами Коммонера. Создаваемые человеком экосистемы надо встроить в биосферу так, чтобы она сохранилась как саморегулирующаяся целостность и ее защитные функции гасили нарушения при хозяйственной деятельности людей. Впрочем, не менее утопичны и новейшие предложения об использовании людьми только продукции естественных экосистем при сокращении населения на планете в 10 раз.

Под влиянием В. И. Вернадского, вероятно, находился А. Чаянов — автор теории кооперации. Он написал экологически наивную работу «Возможное будущее сельского хозяйства». К автотрофному питанию человека Чаянов добавил совет «пожертвовать Аральским морем» для превращения Средней Азии в единый цветущий оазис. По его мнению, это могло бы принести несравненно больший доход от земледелия, чем от рыболовства. Что дало даже частичное пожертвование Аральским морем, мы уже знаем.

Еще более удивляют некоторые высказывания великого Николая Вавилова, который активно сотрудничал с Дж. Ацци, автором первой книги по сельскохозяйственной экологии. Вавилов предлагал вдесятеро расширить площади орошаемых земель в Средней Азии и поговаривал о том, что неплохо бы все тропические леса заменить на культурную плантацию. Объяснить это можно, если принять во внимание необычайную увлеченность Вавилова совершенствованием генофонда культурных растений и их районированием. Предлагая выращивать в лесной зоне больше ржи, насытить посевы южных полюсов «верблюдом растительного мира» — сорго, Николай Иванович зачастую оставался в рамках аутоэкологии Ацци, то есть изучения отдельных растений. Смешанные посевы он считал непригодными для растениеводства будущего. Современная же агроэкология как раз ратует за смешанные культуры, ибо они наиболее эффективно используют ресурсы и менее опасны для природы.

<...>

